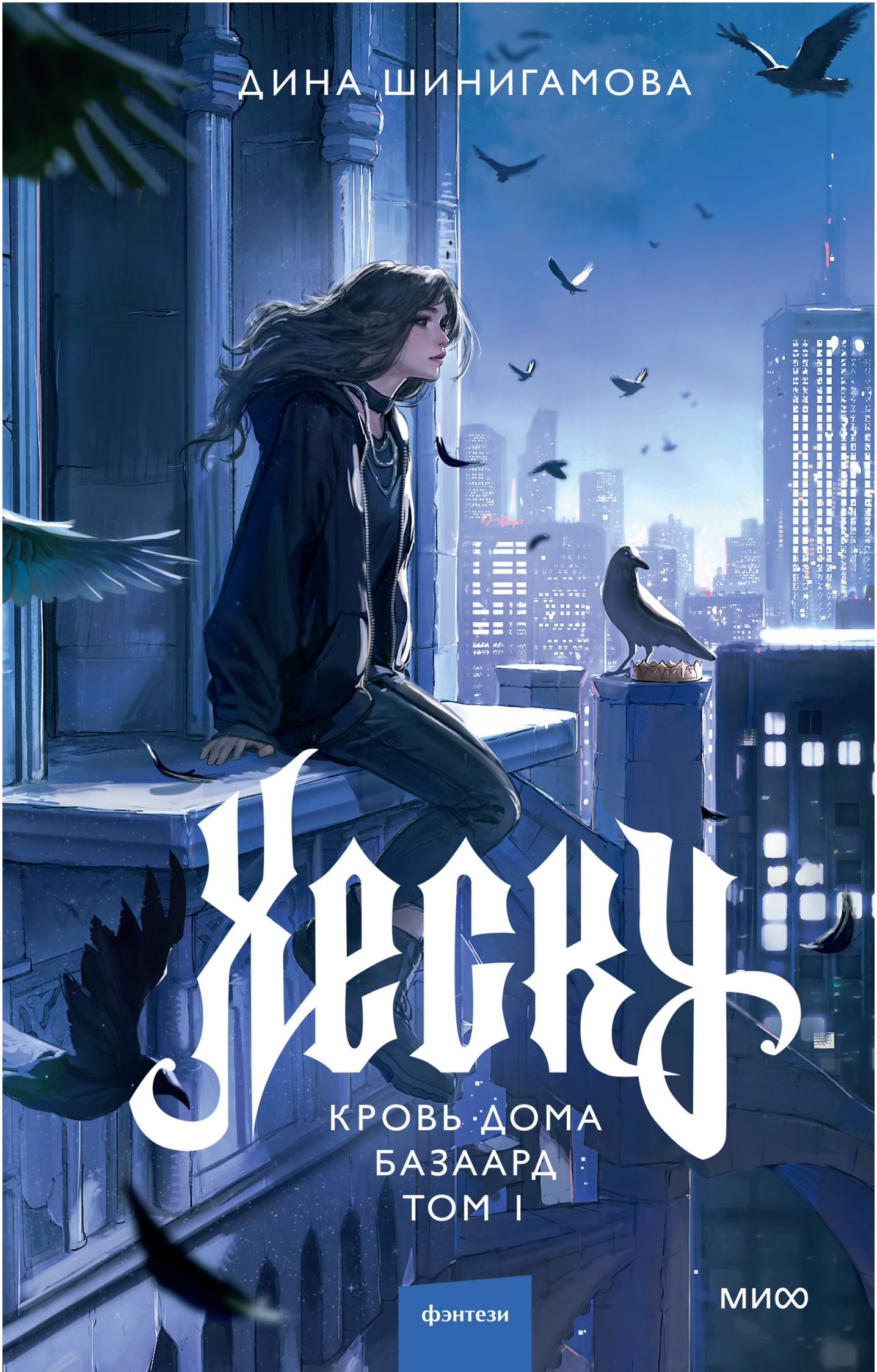

ДИНА ШИНИГАМОВА
ЖЕСТЬ
КРОВЬ ДОМА БАЗААРД : ТОМ I
фэнтези
МИФ

МИФ Проза

Дина Шинигамова

Хеску. Кровь Дома Базаард. Том 1

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Шинигамова Д.

Хеску. Кровь Дома Базаард. Том 1 / Д. Шинигамова — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2025 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281359-9

Сат-Нарем – окруженный непроходимым туманом город двусущных хеску. Двенадцать твердынь царапают шпилями слепое небо, двенадцать кланов участвуют в идущей многие столетия смертельной Игре. Правящая семья клана воронов оказывается на грани вымирания, и его Владыке приходится нарушить обещание, данное в свое время сбежавшей к людям дочери. Там, в человеческом мире, среди мобильных телефонов и компьютеров, он находит свою внучку – немую разноглазую полукровку, которой всего двенадцать лет, – и забирает с собой. Теперь Лилиан предстоит стать частью нового мира, где ее появлению никто не рад.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-281359-9

© Шинигамова Д., 2025
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2025

Содержание

Дилогия «Хеску» 6
Так звучит кровь 8
Пролог 9
Часть I 13
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Дина Шинигамова
Кровь Дома Базаард. Том 1



Дилогия «Хеску»



Добро пожаловать в Сат-Нарем. Тебя здесь никто не ждет

I. КРОВЬ ДОМА БАЗААРД тома 1–2

II. ТЕНИ САТ-НАРЕМА тома 1–2

«Хеску. Глубже в историю»

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ.

Согласно закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений являются уголовным преступлением. Употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Шинигамова Д., 2027
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

*** * ***



Посвящается моему папе, который не успел узнать о существовании этой истории,

и

Ире, без которой она не появилась бы вообще

Так звучит кровь

Two Steps From Hell – *Star Sky (instrumental)*
Malia J – *Smells Like Teen Spirit*
СЛОТ – *Круги на воде*
Billie Eilish – *Happier Than Ever*
Jack White – *Love Is Blindness*
polnalyubvi – *Твои глаза*
Kovacs – *My Love*
James Newton Howard – *Bedroom Dreams*
Poets Of The Fall – *Where Do We Draw the Line*
Lewis Capaldi – *Someone You Loved*
ZAYN feat. Sia – *Dusk Till Dawn*
Sigrid – *Everybody Knows*
Ludovico Einaudi – *Experience*
Fall Out Boy – *The Phoenix*
The Tech Thieves – *Fake*
Emeli Sande feat. Naughty Boy – *Daddy*
КАЗАКИ ДЕЛАЮТ ХИТЫ – *Мой ненаглядный*
Two Steps From Hell – *Armada*
Andy Black – *We Don't Have to Dance*
Klergy & Valerie Broussard – *Start a War*
Beatrice Piacentini – *Paint it, Black*

Пролог

Четыре часа утра – время, когда улицы любого города в любом из миров тихи и пустынны.

Бархат ночи еще укрывает тенями дома, делая очертания зданий более угловатыми; еще стелется по улицам уютная тьма, стирая острые углы поворотов; еще кажется волшебным желтый свет фонарей, растворяющийся в окружающем мраке…

На асфальте еще не высохли лужи от недавно закончившегося дождя, и деревянная скамейка на автобусной остановке до сих пор влажная. Поэтому сидящий на ней мужчина то и дело недовольно кряхтит, чувствуя, как отсыревает плотная серая куртка, и пытается устроиться поудобнее.

В какой-то момент, словно решившись на что-то, он заносит над скамейкой раскрытую ладонь с растопыренными пальцами и несколько секунд сидит не шевелясь. Ничего не происходит, и мужчина со вздохом смиряется с неизбежным.

На вид ему лет шестьдесят пять. Добротные ботинки его уже слегка стоптаны, но еще крепки, из-под плоской клетчатой кепки виднеются короткие завитки седых волос.

Он сидит так, что лицо его остается в тени, скрытое даже от случайных глаз, и изредка поглядывает вдоль улицы, словно, забыв, какой сейчас час, надеется увидеть вдали свой автобус.

Она появляется из теней – неслышно отделяется от дома и, засунув руки в карманы узких брюк, идет вперед, глухо постукивая по асфальту каблуками сапог. На мгновение замирает на границе тени, будто не решаясь сделать последний шаг, но все же ступает в круг света.

Они с мужчиной смотрят друг на друга с любопытством, но в ее взгляде сквозит отчаяние, а в его – веселье.

– Шама́ри Си́пти, – произносит девушка, едва заметно склоняя голову в знак приветствия, и мужчина разражается отрывистым, тявкающе-лающим смехом.

– Уже много лет никто не называл меня *шамари*. – Кажется, он искренне забавляется, хотя на ее лице не появляется даже тени улыбки. – Да и имени я теперь лишен, – добавляет он чуть тише и уже без веселья.

– Вы лишены только имени семьи, – спокойно замечает девушка, прямо смотря на Сипти.

Тот тянет что-то нечленораздельное и, вытянув шею, чешет припорошенный седой щетиной острый подбородок.

– А ты, значит, Джабе́л, – наконец произносит он, глядя на нее из-под кепки. Тень все еще падает на его лицо. Девушка кивает. – Вот уж не думал, что буду болтать среди ночи с кем-то из вашего клана!

Джабел пожимает плечами, подходит к скамейке, хмурится, видя сырые пятна на деревянных брусьях, и проводит над ними рукой. Мгновение ничего не происходит, а затем в воздух взвивается облачко тонкого пара, и Сипти чувствует, как высохшее дерево передает его старым костям свое тепло.

Джабел успевает поднять глаза на Сипти прежде, чем сам он успевает спрятать во взгляде зависть.

Некоторое время они смотрят друг на друга, откровенно разглядывая. Джабел наконец может изучить острые линии его лица, худобу, свойственную пожилым людям, и яркий изумруд глаз – и думает, что даже сто пятьдесят лет в человеческом мире не стерли характерные для лисов черты. Сипти думает, что она – типичная представительница правящей семьи своего клана: оливковая кожа, унаследованное от множества поколений предков выражение превосходства во взгляде, угольно-черные волосы. Вопреки обычаям их родного мира, сейчас они не заплетены в сложную прическу из множества косичек, а свободно перекинуты через плечо, и легкий ветерок колышет тяжелые пряди.

– Что же ты хотела, шеру́ Джабел? – церемонно спрашивает Сипти, намеренно использовав словечко из языка их общей родины.

Джабел смотрит на него еще пару секунд, а потом наконец произносит:

– Хотела спросить, каково постоянно жить среди людей. Каково обходиться без истинного облика.

Веселье, пусть и притворное, сходит с лица Сипти, и взгляд его становится серьезнее.

– Трудно, – произносит он, и в интонации его слышится печальная искренность, – но возможно.

Джабел кивает, словно именно этого ответа и ждала. Отворачивается, смотрит на носы сапог.

– Не… – она, вынув руку из кармана, поводит ей в воздухе, подбирая подходящее слово, – не ломает?

Сипти коротко и невесело фыркает.

– Ломает. Но что тут сделаешь? Приходится терпеть. Потом… привыкаешь.

Он замолкает, тоже опустив взгляд себе под ноги, где свет фонаря на мокром асфальте рассыпался сотнями оранжевых искр. На короткое мгновение ему вспоминается прошлое: ощущение проносящейся под лапами земли, острота запахов, скорость, опьянение силой мышц при прыжке…

Сипти прикрывает глаза, возвращаясь в настоящее: две руки, две ноги, старческая дальнозоркость. Он человек. Человек.

Джабел смотрит на него с пониманием, почти с сочувствием. Он, не поворачиваясь, упирает взгляд в ночь и произносит:

– Почему ты спрашиваешь?

Она вздыхает.

– Я думаю… возможно, мне придется остаться здесь.

– Ты хочешь покинуть Сат-Нарéм?! – вскидывается Сипти. В голосе его удивление, непонимание, почти гнев.

– Не хочу, – поправляет его Джабел, – но, скорее всего, придется.

Она смотрит прямо в изумрудные глаза старика, пытаясь взглядом передать то, что недоступно словам.

– Неужели отец не может защитить тебя? – недоверчиво хмурится Сипти.

– Есть вещи, над которыми даже Владыка не властен. – Джабел качает головой, снова глядя себе под ноги, и от нее расходится почти ощутимая волна горечи.

Какое-то время они молчат, каждый думая о своем.

– Какой теперь Сат-Нарем? – наконец произносит старик, пытаясь скрыть тоску по дому.

– Такой же, – Джабел практически не прячет улыбку. Ей понятен его вопрос. – Всюду туман, из которого торчат твердыни.

Он кивает: странно было бы ждать другого ответа. Но он надеялся на чудо – как и все они, как и их отцы, и отцы их отцов.

Повисает хрупкая тишина.

Джабел вздыхает и поднимает глаза к небу, следя, как быстро бегут по нему тучи, то скрывая звезды, то вновь являя их взгляду.

– Никогда не привыкну, что здесь есть луна, – наконец признаётся она. – Все смотрю на нее каждый раз и не могу насмотреться.

Сипти фыркает.

– Скажи спасибо, что не на солнце смотришь. – Он испускает короткий смешок, слишком сильно похожий на тявканье. – Я первый раз пялился на него как дурак, тоже насмотреться не мог, потом полдня ходил как слепой.

Они смеются, чувствуя какую-то схожесть, неловкое родство мыслей. Джабел набирает воздуха, чтобы попрощаться, и, словно почувствовав это, Сипти произносит:

– Как… – Он откашливается. – Как там…

В его надтреснутом старостью голосе звучит немая просьба не заставлять договаривать фразу, и Джабел идет ему навстречу, обрывая вопрос:

– Отлично. Лисы лидируют в Игре.

Сипти удовлетворенно ухмыляется, от уголков губ бежит сеточка морщин.

– Удивительно, – говорит он как будто сам себе. – Значит, все действительно было не зря…

Джабел внимательно смотрит на него, пытаясь считать эмоции, но здесь, в мире людей, рядом с тем, кто фактически перестал быть собой, это труднее, чем дома.

Сипти кивает сам себе, словно наконец приняв что-то, поставив точку. Оборачивается к Джабел.

– Почему я, детеныш? Во внешнем мире есть и другие хе́ску.

Пропустив покровительственное обращение мимо ушей, Джабел наклоняет голову к плечу и улыбается:

– Потому что никому в голову не придет, что мы с вами можем разговаривать, сидя среди ночи на скамейке во внешнем мире.

Сипти хмыкает, кивает, соглашаясь. Через пару минут молчания Джабел все-таки встает, чтобы уйти.

– Благодарю, шамари Сипти, – произносит она, глядя на старика с неожиданным даже для себя теплом. – Пусть годы ваши будут долгими.

Старый лис качает головой:

– Не надо. Они и так слишком долги. Я уже устал.

Когда Джабел делает пару шагов за пределы пятна света, уже скрывшись в темноте ночи, уже вернувшись мыслями домой, Сипти окликает ее:

– Если есть хоть какая-то возможность, останься в Сат-Нареме.

Джабел оглядывается. Теперь, из тени, старик для нее как на ладони, а вот она укрыта мраком.

– Если бы она была, я бы не пришла с этими вопросами.

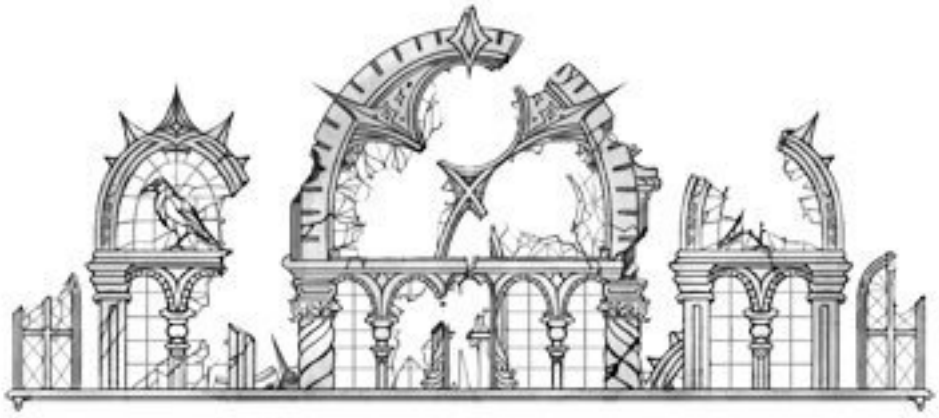
Она разворачивается и уходит – на этот раз окончательно. Сипти еще какое-то время сидит на скамейке, к которой постепенно возвращается влажная прохлада. Встает, чувствуя, как скрипят суставы, как напрягаются мышцы даже от простых движений. Смотрит в ту сторону, куда ушла Джабел, но ее уже нет – только темнота да спящие дома.

Он вздыхает, думая обо всех тех годах, что провел здесь, вдали от родных, от дома, от всего, что было ему дорого, а потом закидывает голову и смотрит в небо.

– Зато здесь есть луна, – шепчет он сам себе. Улыбается и прикрывает глаза, наслаждаясь ощущением серебристого света на лице.



Часть I



1

Жизнь – вещь непредсказуемая.

Вот машина с маленькой семьей – мама, папа и двенадцатилетняя дочь – едет по шоссе, возвращаясь в город после выходных. Дождь льет стеной, а в машине тепло и сухо, и барабанящие по крыше и стекающие по стеклу окон капли только усиливают ощущение уюта. Девочка на заднем сиденье отрывает взгляд от телефона, пытается разглядеть дорогу через лобовое стекло, но дворники не справляются, видимость почти нулевая, и она возвращается к чтению ленты новостей.

Раз.

Два.

Три.

Визг тормозов.

Мать вытягивает руку назад, пытаясь закрыть глаза дочери, чтобы та не видела несущуюся на них фуру и ужас на ее собственном лице.

Отец впивается побелевшими пальцами в вывернутый руль, пытаясь увести машину на другую полосу.

Удар.

Скрежет. Столь громкий, что заглушает играющую в наушниках девочки музыку, заглушает шум ливня за окном, заглушает весь мир вокруг, и не остается ничего, кроме этого скрежета.



Потом были взволнованные голоса и внимательные взгляды взрослых в униформе – врачей, спасателей, пожарных, – долгое и бессмысленное ожидание в машине скорой помощи, пока доктора осматривали ее, стремясь убедиться, что им не показалось: девочка действительно отделалась лишь шоком и несколькими царапинами.

Она смотрела в одну точку, когда ей светили в глаза фонариком, когда поворачивали, попутно задавая вопросы, стараясь добиться хоть какого-то ответа, – до тех пор, пока не заметили на безвольно лежащей на коленях руке специальный браслет.

Она смотрела в одну точку и пыталась не видеть, как все не стихающий ливень старается и не может смыть с асфальта алое пятно крови.

Смотрела в одну точку, пока ее везли в больницу, пока там новые врачи повторяли прежние действия, пока сидела на кушетке, словно провалившись в вакуум реальности, откуда-то издалека слыша чужие голоса и трели телефонных звонков. Пока в ее ушах все еще стоял этот невыносимый скрежет.

Молодой врач, взяв за руку, словно маленького ребенка, вывел ее из палаты и усадил в кресло рядом с постом медсестры. На секунду замешкавшись, будто надеясь в последний момент найти кого-то, кто займет его место, он все же опустился перед ней на корточки. С трудом подбирая слова, сообщил, что скоро приедут люди из соцслужбы, что она не останется одна.

На этой фразе она подняла на него взгляд и посмотрела прямо в глаза. Зрачки за стеклами очков дрогнули, взгляд врача перескочил с левого ее глаза на правый и снова на левый, словно удостоверяясь, что ошибки нет и они действительно разного цвета. Он замолчал на полуслове, вздохнул, повторил, что ему очень жаль, и ушел, испытывая искреннее облегчение оттого, что этой девочкой теперь займется кто-то другой.

Она сидела, смотрела в одну точку и катала в мыслях слово «сирота». Оно всплыло само, откуда-то из подсознания, будто жило там всегда и лишь ждало момента, когда понадобится, и вот теперь заявилось – серое, как застиранная футболка, перекрученное, пронизанное сквозняками.

Коридор – казенный оттенок голубого на стенах, лампы дневного света на потолке, белый кафель на полу. Запах антисептика в воздухе, гул посторонних голосов.

– Ты Лилиан, Лилиан Томпсон? – Медсестра, Роберта, судя по бейджику, встала рядом и, помолчав секунду, поставила на соседнее кресло бумажный стаканчик с мутной коричневатой жижей. – Это какао. – Она замялась на мгновение, не зная, что еще сказать, и добавила: – Иногда от теплого питья становится легче.

«Боже, ну я же не простыла!» – подумала Лилиан, поднимая глаза на Роберту и устало отмечая привычное движение ее взгляда. Ей подумалось, что мама бы оценила всю глупость и бестактность, присущую людям, но следом из вязкого тумана, царящего в ее сознании последние часы, проступила мысль: «Мамы больше нет», – и Лилиан задохнулась.

Простая истина – родителей больше нет, родители мертвы – то всплывала в ее мозгу, то уходила куда-то в темные глубины сознания, позволяя обращать внимание на всякие ненужные мелочи. Обертка от конфеты скользит по кафелю коридора, подгоняемая сквозняком от постоянно открываемой двери; голубая краска на стене облупилась около туалета – видимо, по ней постоянно ударяют ручкой, выходя; лампа дневного света мигает раз в десять секунд.

Лилиан медленно вдохнула, вцепившись пальцами в край сиденья. Она чувствовала, как что-то огромное внутри нее нарастает, режет внутренности, раздувается, становясь все больше

и больше, крошит кости, дробит мысли, и знала, что, когда это что-то вырвется наружу, она уже не сможет с ним совладать, и слезы польются ручьем, и им не будет конца – но пока упрямо сопротивлялась, сама не зная зачем.

Она не плакала в салоне искореженного автомобиля, откуда ее вырезали спасатели, не плакала в машине скорой помощи, не плакала в палате – не заплачет и из-за чашки водянистого какао.

Юридически она не была полной сиротой: где-то за много километров отсюда существовали родители ее отца, Генри, переставшие общаться с сыном после его женитьбы. Отец Лилиан происходил из «приличной семьи», и достопочтенных Томпсонов не устроил его брак с «чернявой бродяжкой», никогда не говорящей о своих родителях. Не смягчило их и рождение внучки, а уж когда они узнали о ее «особенностях», то не поскупились на красноречивые комментарии.

Текли минуты – звенел телефон, уходила и возвращалась Роберта, периодически пытаясь о чем-то заговорить с Лилиан, перегнувшись через стойку сестринского поста; перепрыгивала на следующее деление прямоугольная стрелка на круглых часах, висящих на стене; ходили мимо люди, чей мир не изменился этим утром, не рухнул, не рассыпался осколками стекла.

Остывало нетронутое какао.

Лилиан сидела, вцепившись пальцами в край кресла, и смотрела в одну точку, пытаясь не видеть сквозь чистый белый кафель алую лужу на асфальте, по которой бьют тугие струи дождя.

– Я пришел за девочкой.

Голос, низкий и густой, прокатился по коридору, каким-то образом заглушая все остальные звуки, подобно тому как набежавшая волна смывает следы с песка.

Лилиан повернула голову.

Напротив Роберты, будто разом заняв все свободное пространство, несмотря на средний рост и худощавое телосложение, стоял мужчина.

На вид ему было лет шестьдесят, гладкие черные волосы с намечающимися залысинами убраны в низкий хвост, на висках серебрится абсолютная седина. Он стоял к Лилиан в профиль, и она скользнула взглядом по крупному орлиному носу и твердой линии губ, придающих ему властный вид. Смуглая кожа лица испещрена глубокими морщинами, однако не наводящими на мысли о старости или немощности. Большие черные глаза требовательно впились в медсестру, которая невольно попятилась под этим прямым взглядом, рассматривая странного посетителя. Лилиан, на одну благословенную секунду забыв о событиях этого дня, подалась вперед, разглядывая одежду незнакомца.

Расстегнутый черный камзол являл миру темно-фиолетовую жилетку, надетую на черную рубашку с расстегнутым воротом, которая заканчивалась черным же шейным платком с серебристо поблескивающей брошью. Черные брюки опускались на сверкающе-черные ботинки, а рядом с ними в пол упиралась эбеново-черная трость с навершием в виде серебряного черепа какой-то птицы. Мужчина слегка опирался на нее длиннопалой рукой с выступающими венами, пропуская клюв между пальцев; на безымянном блеснул перстень с зеленым камнем.

Медсестра, чуть приоткрыв рот, изучала новоприбывшего с нескрываемым удивлением, и он, видимо раздосадованный ее молчанием, медленно выдохнул, отчего его хищные ноздри чуть дрогнули.

– Я. Пришел. За девочкой, – повторил мужчина раздельно, будто разговаривая с неразумным ребенком. – Где она?

Роберта мотнула головой, словно пытаясь прогнать наваждение, и растянула губы в дежурной улыбке.

– За какой девочкой, сэр? Как вас зовут? Можно увидеть ваши документы?

– Меня зовут Джеймс Кроу, – произнес мужчина со спокойным достоинством человека, чье имя открывает любые двери. Вопрос про документы он проигнорировал. – И я пришел за Лилиан Томпсон.

Брови Роберты взмыли вверх, к прямой темной челке, и она посмотрела на замершую от удивления Лилиан. Джеймс Кроу, проследив за ее взглядом, тоже повернулся к ряду кресел.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Джеймс – разглядывая ее, но без праздного любопытства, к которому она уже привыкла, а скорее с долей усталого интереса. Лилиан – пытаясь вписать этого странного мужчину в окружающую реальность.

Он привычным движением упер перед собой трость, сложил на нее руки и коротко вздохнул.

– Ты пойдешь со мной?

Лилиан моргнула. Ее родители вели довольно уединенный образ жизни: в почтовом ящике появлялись только счета, по телефону звонили только с работы, и она не знала никого с таким именем. И все же…

Хлопнула входная дверь. Порыв воздуха прокатился по коридору, взметнул полы черного камзола, тронул тонкие пряди волос у лица Лилиан, обдавая ее запахом свежести после отшумевшего ливня и почему-то соли.

Что-то непонятное колыхнулось в ее сознании, и неожиданно для себя она кивнула.

– Я ее забираю. – Джеймс обернулся к Роберте с таким видом, будто пришел выбрать племенную кобылу и сообщал, что этот жеребенок ему подходит.

– Нет, так не делается. – Медсестра нервно заправила за ухо прядь темных волос, отпрянула, словно пытаясь оказаться подальше от этого человека. – Есть документы, бумаги, ее отправят к родственникам…

– Я и есть ее родственник, – спокойно оборвал ее Джеймс, – и все подпишу. – Он небрежно махнул рукой, словно давая понять, что это не стоит ему никаких усилий.

Роберта моргнула. Потом еще раз. Лилиан, подавшись вперед со своего места, с удивлением наблюдала, как пухлогубый рот медсестры чуть приоткрылся, а взгляд стал мутным и сонным.

– Х-хорошо… – проговорила она тусклым голосом, глядя куда-то мимо Джеймса, который неотрывно смотрел на нее, чуть наклонив голову вперед. – Б-бумаги…

– Не нужны, – спокойным, чуть скучающим тоном закончил за нее Джеймс.

Когда Роберта, опустив голову так, что волосы скрыли лицо, уткнулась остекленевшим взглядом в лежащие на столе больничные карты, он вновь повернулся к Лилиан:

– Идем?

Шагая рядом с ним в сторону выхода, Лилиан поняла, что еще удивило ее в Джеймсе: он оказался единственным, чей взгляд не метался по ее лицу, кто не обратил внимания, что глаза у нее разного цвета.

Двери больницы выдохнули их на улицу, в по-вечернему шумный город. Больницу они покинули просто и быстро, никто даже не взглянул на мужчину в черном камзоле, никто не спросил, куда он ведет девочку в сиреневой толстовке, держащуюся от него на некотором расстоянии и смотрящую себе под ноги.

Красные лучи солнца отражались от окон окружающих небоскребов, бросали блики на стены зданий, слепили зайчиками спешащих домой людей, которые торопились вернуться к своим семьям.

Лилиан по привычке задумалась о времени, прикидывая, когда отец вернется с работы, – и горло сжалось, а глаза защипало.

Никогда.

Мысль о потере обоих родителей еще не стала ей привычной – даже в своей дикости, – и Лилиан замерла в нескольких шагах от серо-белого здания больницы, хватая ртом воздух и до боли сжимая кулаки, чтобы не дать хлынуть слезам. Нет, не сейчас.

Джеймс, отошедший было на несколько шагов, обернулся и остановился. Он явно не привык ходить по улице с ребенком, с кем-то, кто не следует за ним просто потому, что сам он идет вперед.

Джеймс стоял и смотрел на Лилиан, чуть наклонив голову и сложив руки на своей трости, не пытаясь ни утешить, ни заговорить. Вздохнув, он подошел ближе.

Мягкий ветерок, к вечеру ставший прохладным, хоть весна в этом году и выдалась ранняя, чуть шевелил полы его камзола, длинные солнечные лучи придавали смуглой коже красноватый оттенок, делая его похожим на вождя какого-то древнего племени.

Взяв себя в руки, Лилиан дернула подбородком и вперила в мужчину тяжелый взгляд – странный порыв, заставивший ее в больничном коридоре встать и пойти с ним, почти прошел, и, хотя она не чувствовала от Джеймса никакой угрозы и, сама не понимая почему, была твердо уверена, что он не причинит ей вреда, причина его появления оставалась для Лилиан загадкой.

– Пойдем. – Его голос и здесь, на шумной улице, звучал четко и ясно.

И снова она послушалась, шагнула раз, другой – мелькнули носки ботинок с нелепыми лиловыми бабочками – и последовала за Джеймсом.

Они прошли до конца улицы, обтекаемые людским потоком, и повернули в небольшой пустынный переулок. Стоило им обогнуть здание, как уличный шум стих, будто они оказались в каком-то другом, существующем отдельно от гудящего мегаполиса месте, и Лилиан, оторвавшая взгляд от носков своих ботинок, удивленно вскинула брови.

У тротуара стояла не просто машина – это была крепость на колесах, будто появившаяся здесь прямиком из какого-то гангстерского фильма. Сияющий на солнце черный корпус, тяжелые «крылья» над широкими черными колесами, угловатые линии и дверцы, открывающиеся в обратную сторону. Такие автомобили Лилиан видела только на картинках и в кино. Она пораженно оглядела машину, скользнув взглядом по хромированным ручкам дверей и крупным круглым фарам, торчащим вперед и вверх, словно рожки улитки, и невольно попятилась.

Рядом с машиной стоял пожилой мужчина – простой черный костюм с фиолетовым ромбом на груди, фуражка и излишне прямая осанка выдавали в нем водителя. Он чуть склонил голову, здороваясь, и в его официально-отстраненном взгляде Лилиан заметила искорки любопытства.

– Спасибо, Ро́што, – кивнул Джеймс, когда водитель церемонным движением распахнул перед ними дверцу. Лилиан замешкалась: настороженность детей больших городов запрещала ей садиться в машину к незнакомцу.

Джеймс, положив руку на дверцу, чуть приподнял брови.

– Ты, конечно, можешь бежать за машиной, но путь неблизкий.

Лилиан вскинула на него гневный взгляд, шумно выдохнула через нос – и сдалась.

Внутри монструозное авто оказалось не менее впечатляющим, чем снаружи: кожаные сиденья, панели из вишневого дерева, медь и бронза. Будь этот день обычным, Лилиан бы не переставая крутила головой и радовалась возможности прокатиться на такой машине, но сейчас она, устало откинувшись на сиденье рядом с Джеймсом, лишь отстраненно отметила про себя необычность обстановки и уперлась взглядом в спинку переднего кресла.

Машина шла плавно, словно неровности асфальта ее ничуть не беспокоили, и вскоре они покинули знакомый Лилиан район. По мере того как солнце опускалось за горизонт, мелькающие за окном улицы выглядели все более холодными и чужими, небоскребы постепенно уступали место обычным жилым домам, а те становились все ниже и появлялись все реже. День стремительно угасал, в воздухе уже разлились синие чернила подступающей ночи.

Они ехали уже больше получаса – в полной тишине. Джеймс хранил молчание, неотрывно смотря вперед и поглаживая птичий череп на своей трости. Лилиан пару раз бросила на него быстрый взгляд и снова уставилась прямо перед собой – что-то в его позе, в манере держаться, несвойственной пожилым людям, *не дающей* думать о нем как о пожилом человеке, словно заставляло сохранять дистанцию.

– У тебя, полагаю, много вопросов, – наконец подал голос Джеймс. Лилиан чуть вздрогнула от неожиданности и обернулась к нему. – Отвечу на главные.

Джеймс замолчал, будто собираясь с мыслями. Тени, проникающие через окно машины, скользили по его лицу, то скрывая морщины, то подчеркивая блестящую черноту глаз.

– Да, я действительно твой родственник. Нет, я не причиню тебе вреда, ты моя кровь и к тому же совсем *детеныш*.

Лилиан смотрела на него, не шевелясь и никак не реагируя. Бросив мимолетный взгляд на пейзаж за окном, Джеймс продолжил:

– Мы едем ко мне домой. Точнее, теперь к нам домой, потому что жить ты будешь со мной. Да, ехать далеко. – Он сделал паузу и посмотрел прямо на Лилиан. – Меня зовут Тиор Базаард. Твоя мать была моей дочерью, но не вздумай называть меня дедушкой.

Наверное, Лилиан нужно было удивиться. Попытаться выяснить что-то. У них в семье бытовало негласное мнение, что ее мать, Джулия, – сирота и что о родителях не рассказывает ничего потому, что потеряла их каким-то чудовищным образом. В другой ситуации Лилиан, скорее всего, задала бы массу вопросов, но сейчас лишь кивнула, опустошенная и, казалось, разучившаяся испытывать сильные эмоции.

Какое-то время она просто сидела не шевелясь, подложив под себя руки и уперев взгляд в вишневую обивку переднего сиденья.

У мамы был отец. У мамы *есть* отец. А вот самой мамы – мамы больше нет.

То огромное, что медленно заполняло все ее существо с момента аварии, с момента, когда она, открыв глаза, увидела безжизненно повисшую между сиденьями мамину руку, вдруг развернулось, заполняя ее до конца, без остатка, навалилось, поглощая, топя в своей вязкой бесконечности, впивающейся в нее миллиардами бритвенных лезвий, и из глаз Лилиан хлынули слезы. Она опустила лицо в ладони, сотрясаясь в беззвучных рыданиях, пытаясь понять как, *как* это могло произойти, как ей жить теперь в мире, где нет странных маминых сказок по вечерам; нет огромных порций мороженого по пятницам, которые отец покупал на всех по пути с работы; нет маминого голоса, требующего не заходить к ней в мастерскую без стука; нет запаха растворителя и крохотных мазков масляной краски на ее одежде и коже, которые она не заметила и не оттерла; нет папиных утренних поисков ключей от машины, нет его ставшего ритуальным каждодневного обещания купить батарейки в кухонные часы; нет препирательств родителей о том, можно ли ей шоколадные хлопья перед сном; нет даже их ссор – нет ничего, что она привыкла считать своей жизнью.

С какой-то неумолимой отчетливостью Лилиан поняла, что никогда больше не увидит свой дом, свою комнату, свои игрушки, что эта дорога – ее прощание с привычным укладом дней, что эта огромная черная машина уносит ее не просто от родного города, но от всей ее жизни, которая теперь навсегда осталась в прошлом и уже никогда не будет прежней.

Слезы текли и текли, пока легкие не заболели от судорожных всхлипов. В груди образовалась пустота, в мыслях – тягучая вата.

Когда она оторвала руки от лица, то увидела, что Тиор протягивает ей платок. Он смотрел на нее еще пару секунд, а затем, вздохнув, вновь устремил взгляд вперед, на летящую перед ними дорогу.

Лилиан, рассеянно сминающей в руках платок, показалось, что в отстраненном выражении лица его что-то изменилось и даже чеканный профиль выглядит теперь не таким жестким.

Когда Тиор вновь заговорил, не отрывая глаз от дороги, Лилиан вздрогнула от неожиданности.

– Я не видел твою мать пятнадцать лет. Но это не значит, что я ничего не чувствую. – Он помолчал и повернул к ней голову – тяжело, медленно, словно через силу признавая, что горе Лилиан касается и его. – И на самом деле ее звали Джабел.

Они ехали долго. Коттеджи сменились полями, деревьями, ночь окончательно завладела миром, укутав его черным бархатом. Лилиан, измученная событиями этого дня и убаюканная мерным движением машины, заснула, прислонившись головой к окну.



Тиор Базаард смотрел на девочку, которая заснула, отдавшись на милость усталости. Не таким он представлял свое потомство. Но вот оно, непредсказуемое влияние человеческой крови: волосы не черные, как у него самого или ее матери, а каштановые, кожа хоть и кажется оливковой, на самом же деле светлее и просто загорела…

Тиор вздохнул.

Что же ты наделала, Джабел?

Он любил дочь. Правда любил. Внимания ей и Лима́ру доставалось поровну – как и наказаний. Сын со временем должен был занять его место, а до того гордо носить титул *шибет,* наследника. Лимар полностью был предан их быту, их жизни, их народу. В нем Тиор никогда не сомневался.

Но Джабел была другой – с юности. Как только ей разрешили самостоятельно передвигаться по внешнему миру, она стала проводить там слишком много времени. Читала книги, написанные людьми, завела какие-то знакомства, назвавшись Джулией. Потом уговорила его отпустить ее учиться рисованию в человеческий университет, аргументируя просьбу тем, что в их среде нет достойных учителей и ее талант просто умрет. Справедливости ради стоило признать, что это было правдой: рисовала Джабел великолепно, в свои юные годы превосходя местных мастеров.

Он сдался и отпустил ее, наказав возвращаться домой при каждой возможности.

Она упорхнула, счастливая.

Приезжала на каникулы, взахлеб рассказывая о мире людей, потом надолго исчезла, сказав, что у нее сложный проект.

А затем вернулась. Чтобы сообщить, что влюбилась. Что знает: отец и брат ее не отпустят и не благословят, что ее человеческого мужчину не примут. Что отказывается от всего и выходит замуж.

Это был гром среди ясного неба. Первой мыслью Тиора было, что это ловушка, часть Игры. Что кто-то – неважно, кто именно, врагов у их рода хватало – решил пойти в обход правил и убрать члена семьи не физически, а устранив из их Дома. Он тщательно проверил все, что касалось избранника дочери. Нет, обычный человек. Обычный. *Человек.*

И она ушла. Оставила все, что связывало ее с семьей и своим народом, со слезами на глазах простилась с ним и братом – оба хранили молчание, хоть и смотрели ей вслед.

Спустя четыре года она сообщила ему, что он стал – она использовала человеческое слово, не принятое в их среде, лишенной понятия «двуступенчатого» родства, – дедушкой. Короткая искра радости вспыхнула в его сердце, но он тут же затоптал ее: дочь предпочла своей семье людскую долю, и, хотя *его детеныш принес детеныша,* этот ребенок был человеком. Существом другого рода, другой природы.

«Кстати, об этом, – робко добавляла Джабел в конце письма. – Возможно, тебе интересно будет узнать, что у Лилиан разные глаза. Один голубой, другой карий. Местные врачи говорят, что есть небольшая надежда, что с возрастом ситуация может измениться, разница станет не такой заметной, но я-то понимаю, что это значит. Как и ты».

Да, он понимал. Смешение их крови с человеческой приводило к подавлению первой. Человеческая кровь была более *жидкой,* но более быстрой, более живой и молодой. Она поглощала наследие их народа, делая детей-полукровок совершенно обычными. Но изредка по неведомой причине их кровь не уступала человеческой, а начинала существовать как бы одновременно с ней, не перемешиваясь. И проявляясь внешне. И первым признаком были глаза разного цвета.

Тиор запретил себе привязываться к ребенку даже мысленно: она будет расти среди людей, ничего не зная ни о себе, ни о своей семье, ни об истинном устройстве мира. Таково желание ее матери.

Он долго думал над ответом и в итоге ограничился сухим, но вежливым пожеланием долгой счастливой жизни детенышу.

Джабел, получив ответ, заплакала и прижала письмо к груди – она была почти уверена, что отец не ответит. Слишком глубока была обида. Слишком чудовищно ее предательство.

То письмо, написанное фиолетовыми – цве́та их семьи – чернилами на темном пергаменте и доставленное – конечно! – ночью, стало единственной ее связью с домом, со своим родом, со своей природой.

Она гадала, когда сняли со стены в Мара́ке ее портрет: в тот день, когда она объявила о своем решении или когда официально покинула поместье, оставив все, что связывало ее с семьей?

Джабел не знала, что Тиор так и не отдал этого приказа.

Шли годы. Лимар достаточно успешно вел Игру. Поступок Джабел подкосил их положение, но все же они не рухнули, их Дом все еще был силен, и на общих собраниях с Тиором здоровались с прежним почтением, не избегая его прямого взгляда.

А потом случилось это. Лимара *вывели из Игры*.

Когда Джабел уехала учиться, на четвертом этаже осыпалась штукатурка со стен. Когда она сообщила о своем уходе, во всем доме исчезли ковры и мягкая мебель. Когда умер Лимар, стены дома почернели.

Если Тиор не демонстрировал свою привязанность к детям, это не означало, что он ее не питал.

Он заперся в своем кабинете, потолки в котором стали еще выше, а краска на стенах – еще темнее, и думал. Следуя Правилам, Совет прислал ему официальное письмо с уведомлением, где, кем и когда был убит Лимар. Позже пришлет и ритуальное оружие, используемое в Игре, *рикун* – длинный ромбовидный кинжал. И это все, что останется у него от обоих детей.

Это все будет потом, позже. Но что делать сейчас? От мыслей гудела голова, от предположений, где теперь окажется их Дом, с крыши начинала сыпаться черепица.

Дом Базаард остался без наследника. Конечно, он мог написать Джабел, и, возможно, – возможно! – она пришла бы, вернулась, поняв всю серьезность положения. Но делать этого Тиор не хотел. Он уважал выбор дочери, как бы болезнен для него самого тот ни был.

В самых формальных и скупых выражениях, перепроверяя каждое слово, чтобы в нем не слышалось просьбы, Тиор сообщил Джабел о смерти ее брата. Ответ пришел на следующий же день: дочь в слезах умоляла дать обещание, что никогда, ни при каких обстоятельствах Тиор не попросит ее отдать в Игру Лилиан.

Он обещал.

Больше она не писала.

И вот теперь Джабел не стало. Тиор не видел дочь пятнадцать лет, не видел ее детеныша – никогда.

Он смотрел на спящую разноглазую девочку, на щеках которой тускло поблескивали дорожки высохших слез, и думал, неужели она – его последняя надежда? Выросшая среди людей, ничего не знающая о своей семье, о правилах Игры, об их мире! Чуждая всему тому, что для Тиора являло саму жизнь и ее смысл.

Немая.

Граница миров была незаметна. У наиболее чувствительных людей она могла бы вызвать легкое головокружение, случись им каким-то чудом ее пересечь, для народа Тиора она проявлялась легкой рябью в воздухе. Почувствовав ее, Лилиан проснулась и, сонно моргнув, нахмурилась, в первый момент не понимая, где находится. Затем воспоминания нахлынули на нее, и она прерывисто глубоко вздохнула, сдерживая норовящие выступить на глазах слезы.

Молодец.

Лилиан посмотрела в окно, надеясь узнать местность, и глаза ее распахнулись в выражении безмолвного удивления. Оглянувшись, она попыталась осознать увиденное: простая проселочная дорога, слева и справа подпираемая заброшенными полями, уходящими вперед до самого горизонта. Но стоило Лилиан повернуть голову и моргнуть, прогоняя легкую рябь в глазах, как она увидела, что эту обычную дорогу пересекала еще одна – широкая, аккуратно усыпанная гравием. Поле, только что уныло покачивающее рыжеватыми стеблями сорняков, исчезло, уступая место просторному лесу с могучими деревьями, за которым черной тенью тянулся к небу силуэт замка.

Тиор краем глаза следил за реакцией девочки и теперь испытал мимолетный прилив гордости за свой дом.

Марак был *всем*. Это не было только названием поместья или особняка в нем, как не было ни зданием, ни всей огромной прилежащей к нему территорией. Марак был *местом*.

Местом по ту сторону внешнего мира, пограничьем, которое не могли найти никакие приборы, которое не задерживалось ни на каких человеческих картах.

Домом.

Широкую гравийную дорогу с двух сторон окружали исполинские клены – такие огромные, что ствол не обхватят и трое взрослых мужчин. Их кроны, смыкаясь, создавали над дорогой изумрудный купол, мягко шелестевший на ветру, а между листьев крохотными искорками вспыхивали белые звезды. Впереди же высилась громада замка. Черного, как сама ночь, вытянувшегося вверх, четырехэтажного, с двумя царапающими небо башнями по бокам.

Потрясенная, Лилиан обернулась к Тиору, пытаясь взглядом выразить все свое удивление и все вопросы, но тот лишь улыбнулся краешками губ, свободнее кладя ладонь на трость.

Машина скользила по дороге, шурша шинами, а Лилиан, подавшись вперед, пыталась рассмотреть в лобовое стекло замок, становящийся все больше с каждым проглоченным колесами метром.

Когда машина наконец остановилась и дверцу открыла чья-то услужливая рука, Лилиан на секунду замешкалась, но тут же, будто на что-то решившись, выбралась наружу, не дожидаясь приглашения.

Она ступила на гравий, хрустнувший под подошвами ее ботинок, закинула голову, пытаясь полностью охватить взглядом громаду Марака, вдохнула – и замерла.

Воздух был другим. Густым и сладким, напоенным ароматами ночных цветов и неожиданно свежим – а еще *знакомым*. Как мысль, которую забываешь за мгновение до того, как произнести, и вот наконец вспомнил; как стихотворение, сочиненное ночью в полусне, чьи строчки внезапно вновь всплывают в сознании утром.

Ветер коснулся щек Лилиан, словно утешая ее, стирая следы слез с кожи, – и в запахе, который он принес с собой, крылось что-то, от чего сердце Лилиан сжалось от щемящей грусти *узнавания*. Этот ветер обвил ее, обнял, окутал всю, проникая в волосы, касаясь кожи, обещая чудо – неясное, далекое, но заставляющее сердце замирать.

Лилиан стояла, боясь пошевелиться, прикрыв глаза и забыв обо всем – об аварии, о Тиоре, обо всех вопросах и мыслях, что крутились в голове, – и просто вдыхала, впуская в себя этот воздух, который, каким-то неведомым образом убаюкивая кричащую боль внутри, исцелял рваную кровоточащую рану потери и заполнял пустоту в груди.

И чуть тише стало горе, чуть притупилось воющее чувство одиночества, обрушившееся на нее словами врачей в больнице, и отступило, скаля зубы, обратно в небытие облезлое и безликое «сирота».

Гравий зашуршал под ногами Тиора, когда он обошел машину и встал невдалеке, ничего не говоря и лишь ожидая, когда Лилиан подойдет к нему.

Она прерывисто вздохнула и открыла глаза, стараясь в темноте наступившей ночи рассмотреть Марак.

Она стояла, не отрывая глаз от черных стен и неровностей на бордюрах, обещающих при дневном свете стать лепниной. Стрельчатые окна тянулись к покатой крыше, на которой (по краям и даже в центре) недвижимыми стражами замерли гаргульи, – они появились в детстве Тиора, когда у его Дома настали трудные времена и все дни проходили в напряженном ощущении необходимости защищаться.

Тяжелые двустворчатые, в два человеческих роста, двери утопали в нише, охраняемой барельефами двух каменных сатиров, сжимающих в мускулистых руках секиры и выступающих из стены на шаг, словно они готовы в любой момент кинуться в бой. Над дверьми, накрывая вход своим силуэтом, распростер крылья ворон.

Дом менялся с течением времени и ходом событий, но эти детали оставались неизменными.

Лилиан смотрела на место, которое теперь должно было стать ей домом, и даже не осознавала, как в душе ее медленно разливается покой, словно она долго бежала и вот наконец может остановиться.

Тиор сделал несколько шагов вперед, ко входу, и оглянулся на Лилиан, которая последовала было за ним, но замешкалась, бросая последний взгляд на Марак перед тем, как войти внутрь. Громада незнакомого до этого дня замка не давила на нее, а, наоборот, казалась надежной защитой, как кажется непоколебимой стеной ребенку стоящий рядом взрослый.

Дверь распахнулась, приглашая войти, и Лилиан вслед за Тиором переступила порог Марака.



Ми́лло вваливается в охотничий домик насквозь промокший, бледный – и совершенно рыжий.

Пи́нио, «на всякий случай» ждущий его здесь с винтовкой и несколькими ножами, сначала вскидывает оружие, но, увидев собрата, опускает обратно на стол. Милло едва держится на ногах, он буквально падает внутрь, не заботясь даже о том, чтобы закрыть за собой дверь, за которой до сих пор, даже ночью, хлещет ливень.

Пинио кидается к нему, подхватывает под мышки, ногой захлопывает дверь и, перекинув руку Милло через плечо, тащит внутрь, кладет на кровать. Милло шумно дышит, глаза его с ярко-изумрудными радужками широко раскрыты, с и без того бледных щек сошла вся краска, на веках проступили вены.

Кое-как устроив собрата, Пинио бросается в другую комнату – армейские ботинки стучат по полу – и через минуту возвращается с бутылкой виски. Приподняв голову Милло, он буквально заставляет того сделать несколько глотков. Милло сначала никак не реагирует на этот жидкий огонь, а потом начинает резко кашлять, как будто бы приходит в себя и осторожно садится на кровати. Пинио удовлетворенно кивает, уходит запереть дверь, возвращается и устраивается рядом с Милло на грубо сколоченном тяжелом стуле.

– Сработало? – осторожно спрашивает он, наблюдая, как с каждым глотком виски, бутылку с которым Милло теперь держит уже самостоятельно, на лицо собрата возвращаются краски.

Тот коротко фыркает. Получается совсем по-звериному.

– Всмятку! – Он снова делает глоток, на мгновение зажмуривается и наконец отставляет бутылку на стол.

Пинио качает светловолосой головой.

– Видок у тебя был такой, будто ты сам умер, – замечает он как бы между делом, но Милло не новичок, он знает все эти нюансы интонаций, за которыми кроются обвинения.

– Вообще-то, можно сказать, что так и было, – огрызается Милло, впиваясь своими зелеными глазами в прозрачно-голубые радужки Пинио. – *Вселение,* знаешь ли, дает полное ощущение присутствия!

Пинио как будто смягчается, сложив кончики бледных пальцев и садясь на стуле свободнее.

– Просто твой облик… – Он не заканчивает фразу, а кивает на собрата, выразительно приподняв пшеничные брови.

Милло не сводит с него взгляда пару секунд, вновь тянется к бутылке, делает еще один добрый глоток и цедит сквозь зубы:

– Оно выжрало меня до конца. До самого, чтоб его, щербаного дна! Ты хоть представляешь, каких усилий стоит удержать человека, когда он несется навстречу своей смерти?! Инстинкт самосохранения никто не отменял!

Пинио улыбается краешками губ, выставляя перед собой ладони, – *что ты, никаких претензий*. Милло бросает на него еще один уничтожающий взгляд, отставляет бутылку, встряхивает головой до хруста в шее – и начинает стремительно меняться. С ярко-рыжих волос будто смывают цвет невидимым растворителем, делая их всего лишь рыжевато-пшеничными, изумрудные глаза, горящие на фоне почти белоснежной кожи, становятся бледно-голубыми, а сама кожа приобретает едва заметный бежеватый оттенок.

Милло снова смотрит на Пинио, чуть приподняв бровь: *доволен?* Тот расплывается в хищной улыбке и кивает.

– Ты уверен, что все прошло как надо? – спрашивает он как бы между делом, стряхивая с камуфляжной штанины невидимую пылинку.

Милло шумно втягивает носом воздух, стараясь не разразиться многоэтажной бранью.

– Машину размозжило до заднего сиденья. Я своими глазами видел, как у нее вывалился карбюратор. Крови было столько, что хоть купайся. – Он делает паузу и смотрит Пинио в глаза, пытаясь понять причину такого допроса. – Ты сам-то как думаешь, что будет, если на фордик наедет фура?!

Пинио снова улыбается – радости в этой гримасе столько же, сколько океана в бассейне с хлоркой. Он удовлетворенно кивает и неторопливо встает, упершись ладонями в колени.

Милло, что-то бормоча под нос о том, что его, опытного вселенца, допрашивают как мальчишку, снова прикладывается к бутылке – адреналин от ужаса водителя, едущего навстречу собственной гибели, еще блуждает в его крови. Он смотрит в окно, за которым ливень и не думает успокаиваться, шумя, как двигатель самолета.

Он ничего не видит до тех пор, пока не становится поздно.

Пока не оказывается, что Пинио двумя пальцами прижал к его лбу монету с прозрачным камнем в центре, второй рукой придерживая шею и не давая дернуться.

Милло в первый момент пытается сопротивляться, но не успевает: как только Сила Пинио касается монеты, он замирает безвольной куклой, глядя в стену пустыми стеклянными глазами и свесив руки. Пальцы разжимаются, бутылка падает на пол, разливая по половицам виски.

Губы Пинио беззвучно шевелятся, пока он стоит за спиной Милло. Камень в монете темнеет, словно набирая внутрь дыма. Пинио специально намекнул Милло на внешний вид, заставив его потратить силы и концентрацию на поддержание чар, чтобы усыпить его бдительность. И без того вымотанный, осушивший почти половину бутылки виски, Милло не смог сопротивляться, и воля его тут же сломалась.

Проходит пара минут, и камень в монете окончательно темнеет, становясь похожим на грязный авантюрин, а Милло падает на спину. Пинио аккуратно убирает монету в нагрудный карман, тщательно его застегивает, а затем смотрит на распростертое перед ним бездыханное тело, приложив длинный тонкий палец к губам. В доме все пропахло алкоголем, можно сымитировать пожар из-за неосторожного обращения с печкой. Но пламя сразу привлечет внимание, а этого Пинио хотелось бы избежать. Можно скинуть тело в бегущую рядом речку, но нет уверенности, что течение и камни повредят труп достаточно, чтобы скрыть характерную внешность.

Вздохнув, Пинио мысленно проклинает столь заметные черты своего рода. Они одни из немногих, кому приходится носить чары постоянно не чтобы притвориться кем-то, а просто чтобы люди на них не оборачивались. В итоге он решает пойти на компромисс: открыть печку, напустить в дом дыма, как будто Милло угорел по пьяни, а пожар устроить позже. Для этого у него тоже есть средства.

Его работа окончена, а человеческим следователям совершенно незачем знать, что это убийство без физического воздействия.

Он разбирает винтовку и вместе с ножами убирает в небольшой, потрепанного вида чемоданчик – железные углы, ржаво-рыжая расцветка, пара наклеек из аэропорта. При щелчке потерявших блеск замков все содержимое оказывается в *другом месте*. Пинио открывает чемоданчик еще раз и осторожно кладет на бордовую атласную подкладку монету, сопроводив ее короткой запиской. Щелкают замки. Монета исчезает.

Пинио поднимает чемодан со стола, переворачивает вверх дном и снова открывает, уже с другой стороны. На черной подкладке стоит средних размеров горшочек с простенькой голубой росписью. Пинио осторожно берет его в руки и заглядывает внутрь – бледное лицо его окрашивается красноватыми тенями от тлеющих в глубине горшочка углей. Он удовлетворенно ухмыляется и, прошептав над ними несколько непонятных человеческому уху слов, несет горшочек в спальню, к печке. К телу Милло. Через два часа угли разгорятся, глина треснет. Вспыхнет огонь. Исчезнут улики.

Закончив с приготовлениями, Пинио в последний раз оглядывается на дом и труп. Бедный старый глупый Милло! Он был действительно хорошим вселенцем, носителем Дара клана, но бывают задания, у которых не должно остаться свидетелей. Даже сам Пинио – ищейка высшего ранга, высоко ценимый ша-Минсе́лло, – не уверен, что ему не перережут глотку, когда он приедет с подробным докладом.

Он выходит из домика и садится в машину.

То, что они совершили, чудовищно.

Поворачивает ключ зажигания, заводя мотор.

Нельзя убирать тех, кто не участвует в Игре.

Машина трогается с места, дворники пытаются разогнать потоки дождя, заливающие лобовое стекло.

И все же они сделали это.

Последствия – невообразимы. Пинио может представить себе разветвление «эхо» от этих изменений на пять-шесть ходов вперед, но их десятки, может быть, сотни.

Это все изменит.

Когда у его машины отказывают тормоза, Пинио на самом деле даже не удивляется.



По сравнению с внешним величием замка, холл показался Лилиан неожиданно маленьким и темным, но все же уютным. Каменный пол гулко отзывался на шаги Тиора и удары его трости, свисающая с далекого потолка люстра на цепи – железный обод с россыпью свечей – слабо освещала голые каменные стены. Эта обстановка не казалась унылой или неприветливой, скорее *скорбной,* словно отвечающей душевному состоянию Лилиан: голо и пусто.

Когда Тиор предложил ей перекусить, она только устало мотнула головой, хотя желудок предательски урчал. Спокойствие, дарованное Мараком, уютное и густое, овладело Лилиан, приглушая остроту эмоций, помогая справиться с произошедшим и пережить этот день, и она вдруг поняла, что ужасно хочет спать. Лилиан непроизвольно зевнула, и Тиор нахмурился:

– Мне многое нужно тебе объяснить, но давай отложим это до завтра. – Она кивнула, голова показалась неожиданно тяжелой. – Я провожу тебя в твою комнату.

Лилиан последовала за ним, скользя усталым взглядом по пустым стенам и слушая, как гулко отдается каждый удар его трости о пол. Когда они повернули за угол, Лилиан сбилась с шага и встала как вкопанная, широко распахнув глаза. Тиор, до этого идущий чуть впереди, остановился и оглянулся.

Они оказались в галерее. Настолько привычном для него месте и одновременно настолько болезненном, что он перестал обращать на него внимание.

А вот Лилиан увидела. Череду портретов, уходящую вглубь коридора. Рот ее чуть приоткрылся от удивления, когда она прочитала подписи к двум картинам, висящим рядом и изображающим очень похожих друг на друга юношу и девушку. Он, с черными как ночь волосами, спускающимися на плечи, прямыми и резкими чертами лица, смотрел вперед решительно и уверенно, сложив руки за спиной в неожиданно беспечном жесте. Верхняя часть картины, там, где (судя по остаткам пейзажа) на фоне темно-синего неба летели птицы, была плотно закрашена черным. В этом матовом черном прямоугольнике не было никакой художественной ценности, он смотрелся чужеродно на портрете, явно выполненном с большим мастерством, словно кто-то просто… *отменил* работу художника.

Лилиан скользнула взглядом по картине. У нижней рамы блеснула небольшая медная табличка: «Лимар Базаард» – и две даты с разницей в тридцать с лишним лет.

Вторая картина – крайняя в ряду, и, когда Лилиан посмотрела на портрет, ее начало трясти. Она резко выдохнула через покрасневшие губы, глаза укрыло стекло слез.

На фоне кленовой листвы склонила голову, озорно улыбаясь и глядя на художника, девушка лет семнадцати. Та же черная волна волос, что на соседнем портрете, та же оливковая кожа и непроницаемо-черные, антрацитовые глаза, что Лилиан видела каждый день своей жизни. На картине ее мать моложе, чем она привыкла, веселее, беззаботнее, но это она, сомнений быть не может. Лилиан потрясенно опустила взгляд на табличку: «Джабел Базаард». Дата рождения. Лилиан шумно втянула в себя воздух, понимая, что вторую группу цифр выбить еще не успели. Взгляд ее автоматически поднялся к верху картины, но на ветвях нарисованного клена беззаботно сидели черные птицы, которых еще никто не замазал.

Тиор, наблюдающий за Лилиан все это время, сделал два медленных шага в ее сторону и перевел взгляд на портреты.

Несколько секунд они просто стояли рядом. Лилиан подняла на него глаза – расширенные от удивления, еще блестящие от сдерживаемых слез и полные вопросов.

– Твоя мать заставила меня дать обещание, – произнес Тиор, и голос его поднялся в высокий, скрывающийся в темноте потолок, – что я никогда не попрошу ее отдать тебя мне.

Он сделал паузу, разглядывая портрет дочери и задаваясь вопросом, изменилось ли бы что-то, не отпусти он ее тогда учиться в человеческий университет, или все было предрешено заранее.

Лилиан смотрела на него, ожидая продолжения.

– Мои дети мертвы. Осталась только ты.

Казалось, он только сейчас признался в этом самому себе, только сейчас осознал свою потерю в полной мере.

Тиор оторвал взгляд от портретов и посмотрел на Лилиан. Возможно, именно в этот момент он наконец увидел ее: худое лицо с заострившимися от горя скулами, две растрепавшиеся за день косы и внимательные глаза ребенка, привыкшего отличаться от остальных. Голубой и антрацитово-черный.

Тиор ждал, положив обе руки на трость, мизинец рассеянно скользил по клюву серебряного ворона.

Лилиан оглянулась на портреты – один с черной полосой и второй, который эта траурная отметка еще только ожидает. Потом повернулась к Тиору и кивнула.

Он едва заметно улыбнулся самыми кончиками губ, устало, как будто забыв, как это делается, а наверху, в его кабинете, коричневую краску на стенах сменила ткань – синяя, с редкими серебристыми искорками, совсем как небо над Мараком.

Комната Лилиан располагалась на третьем этаже, и, когда они вошли в небольшой коридор – стены и лестница еще раньше сменились с каменных на деревянные, – Тиор указал ей на высокие темные створки дверей.

Она уже коснулась ручки, когда услышала голос деда и обернулась, сонно моргая.

– Здесь ты в безопасности, – произнес он. – Хочу, чтобы ты это знала. Это место называется Марак, и теперь это твой дом. Отныне и навсегда.

Слова прозвучали как обет, и сонное оцепенение, уже было овладевшее Лилиан, отступило. Сжав ручку двери до побелевших костяшек, она смотрела на Тиора внимательным и отчасти все еще настороженным взглядом. В том, что он действительно ее дед, она уже не сомневалась, но вся невероятность происходящего еще отзывалась в ней покалыванием недоверия.

– Мой кабинет тут, напротив твоей спальни, – продолжил Тиор, кивнув на дверь за своей спиной. Казалось, слова даются ему с трудом, словно каждое из них он нащупывает вслепую. – Я мало сплю. – Лилиан склонила голову чуть набок, и он невольно поразился, сколько невербальных способов выразить свои мысли она успела освоить за свою еще недолгую жизнь. – Обычно я в кабинете. Ты всегда можешь найти меня здесь.

Лилиан еще пару секунд смотрела на него, затем кивнула и толкнула дверь своей комнаты.

Спальня оказалась большой и просторной, с минимумом мебели – и совершенно безликой. Шаги Лилиан по голому полу порождали гулкое эхо, и она поспешно скинула ботинки. Справа высился платяной шкаф и темнел приземистый письменный стол, слева обнаружилось небольшое окно, до половины задернутое плотной занавеской и почти не дававшее света, впереди громоздилась широкая кровать с балдахином. Вся мебель стояла на ножках в виде львиных лап и была украшена обилием завитушек, но ни в одном предмете не чувствовалось тепла использования, и эти украшения казались холодными и отстраненно официальными, как букли на судейском парике.

Лилиан, уже зевая во весь рот, не глядя скинула одежду и, откинув край стеганого одеяла, забралась в кровать. Луч лунного света скользнул по ее лицу, заставляя плотнее сомкнуть веки, и через секунду она заснула.

Лишь несколько лет спустя, лучше узнав характер Тиора, привыкшего к обособленности и уединению, Лилиан поняла, насколько важны были те его слова. «Ты всегда можешь найти меня здесь» – «Мои двери всегда открыты тебе», «Мой кабинет напротив твоей спальни» – «Я рядом». Ее жесткий дед, привыкший принимать сложные решения, вынужденный долгие годы жить один, полагаясь лишь на себя, протягивал ей руку, предлагая помощь и доверие.



Следующее утро оказалось солнечным и теплым, как будто все события вчерашнего дня происходили в какой-то другой реальности.

Тиор сидел в библиотеке, сложив вместе кончики пальцев и опустив на них подбородок, к стулу была прислонена черная трость. Длинные золотистые лучи пронзали комнату: голые стены, только темные шкафы от пола до потолка заполняют все пространство, оставляя в центре лишь небольшой пятачок свободного места. Когда-то здесь стояло уютное кресло и горели газовые рожки на изогнутых кованых ножках, теперь же остались лишь грубого вида дубовый стол, стул с высокой спинкой и простая широкая скамья напротив. Даже окно стало у́же – Марак, как и его хозяин, отгораживался от внешнего мира.

Тиор сидел здесь с раннего утра – как и большинство из его народа, он часто бодрствовал бо́льшую часть ночи, а в силу возраста просыпался рано. Сидел и думал обо всем, что произошло за последние сутки. Он не позволял грусти по дочери проникать глубоко в мысли – слишком многое нужно было решить, слишком о многом позаботиться. И все же на сердце было тяжело: хоть Джабел и перестала быть Базаард, она никогда не переставала быть его детенышем. Он следил за ее жизнью – осторожно, издали, через своих осведомителей; обеспечивал ее безопасность, насколько мог; в редких случаях, когда считал, что с деньгами у них совсем плохо, даже оформлял через сложную цепочку подставных людей и фальшивых имен частные заказы на картины. Он делал для нее все, что мог, – и теперь должен был сделать еще больше для ее дочери, потому что прежних мер оказалось недостаточно.

Дворецкий, Карош, должен был отправить Лилиан сюда, в библиотеку, как только она проснется. Все слуги дома были предупреждены: не задавать лишних вопросов и не проявлять любопытства, пока девочка не освоится. Именно поэтому вчера никто из них не показывался – на долю Лилиан пришлось и так слишком много переживаний за один день, не хватало еще чужих взглядов, пусть и вежливо-отстраненных.

То, что слуги шепчутся, думая, что Тиор их не слышит, и едва сдерживают любопытство, он и так знал, ощущал почти на физическом уровне. Появление маленькой девочки взбудоражило всех, от кухарки до домоправительницы, и, хотя Тиор предупредил о цели своей поездки только Рошто и Кароша, общее возбуждение все равно чувствовалось, будто пропитало сам воздух дома. Верные слуги, проведшие с Тиором не один десяток лет, уже скорее семья, чем наемные работники, проявили понимание и тактичность: для них появление Лилиан было радостью, но ее саму привело сюда горе.

Когда она вошла – с кое-как заплетенной косой, во вчерашней одежде, – Тиор заметил, что глаза у Лилиан красные, а взгляд рассеянно блуждает по комнате, ни на чем не задерживаясь.

Он приветственно кивнул ей и указал на скамью, куда она скорее упала, чем села. Потянувшись к высокому кофейнику с длинным носиком, он разлил им *пину* – традиционный напиток его народа, напоминающий кофе со специями, густой в горячем виде и совсем жидкий в холодном. Лилиан задумчиво обхватила пиалу, грея руки об округлые бока. На тарелке рядом исходили паром пирожки.

Какое-то время они просидели в молчании: Лилиан – изредка прихлебывая пину, Тиор – покручивая свою пиалу кончиками пальцев.

Тиор боялся спугнуть ее. То хрупкое, похожее на паутинку подобие доверия, которое возникло между ними. Ему не нужно было доказывать, что он действительно ее родственник, портреты в галерее и внутреннее знание, уверенность, появившаяся в Лилиан, сделали это за него, но самый сложный разговор еще только предстоял. И пусть их кровная связь облегчит понимание происходящего, зародив в ней веру в его слова, Лилиан, выросшей среди людей с их джинсами, компьютерами, сотовыми телефонами и высшим образованием, будет непросто во все поверить.

– Признаюсь, я не думал, что мне когда-нибудь придется вести такой разговор, – начал Тиор, задумчиво глядя в окно на залитый солнцем лес. Природа оживала, радуясь приходу тепла, по стволу растущего рядом клена пробежала белка. Мир продолжал существовать во

всем своем многообразии, словно ничего не произошло, и в этой его яркости мерещилось какое-то кощунственное безразличие.

Лилиан подняла на него глаза от пиалы, ожидая продолжения.

– Мне нужно так многое тебе рассказать… – Тиор привычным движением не глядя нащупал трость и положил ладонь на череп ворона, ощущая его успокаивающую прохладу. Серебряный клюв мерно закачался из стороны в сторону в такт его словам. – А я даже толком не знаю, с чего начать.

Грустно усмехнувшись, он вновь посмотрел на Лилиан, которая слушала его со сдержанным любопытством.

– Джабел… – Тиор назвал ее мать настоящим именем, и рот словно обожгло полузабытым сочетанием звуков. За эти пятнадцать лет он произносил их едва ли три раза. – Ты замечала за ней что-нибудь… странное?

Лилиан нахмурилась, смотря на деда с непониманием, но взгляд ее затуманился.

Что считать странным? То, что у матери не было подруг и что она ни с кем не общалась? Что в их дружелюбном и солнечном районе не завела приятельниц даже среди соседок и всячески отваживала их от дома, периодически становясь действительно грубой? Что однажды на шуточное замечание отца «Мой дом – моя крепость» качнула головой «Нет…» с такой грустью, что даже у Лилиан защемило сердце? Что рисовала чаще по ночам и – Лилиан точно это знала – часть рисунков прятала под замок, никому не показывая? Что как-то раз ночью Лилиан, спустившаяся в кухню попить воды, увидела силуэт матери у открытого окна: та смотрела на заложенное тучами небо, через которое не пробивался свет луны, и плакала, и Лилиан откуда-то точно знала, что плачет она именно по небу, как бы странно это ни было.

Что никогда не рассказывала дочери о том, что у нее есть родной дед?

Лилиан опустила глаза. Ответ напрашивался сам собой.

Тиор удовлетворенно кивнул:

– Думаю, замечала. Может быть, ты не понимала, что это странно, но у других людей не замечала таких привычек, верно?

Лилиан качнула головой, нехотя соглашаясь. Когда-то она очень удивилась, увидев, как соседка стрижет и поливает газон, потому что в их семье никогда ничем подобным не занимались: трава росла сама по себе ровная и зеленая, не требуя никаких усилий по уходу. Зато мама делала то, что не делали другие: например, в сумочке, рядом с кошельком и упаковкой носовых платков, хранила небольшой нож. Во всем доме не было ни одного зеркала хотя бы в половину человеческого роста, а самое большое, у входа, не превышало размерами две сложенные рядом книги, и, уходя, мама каждый раз обязательно завешивала его плотной черной тканью. А в сильный дождь обязательно босиком выходила на улицу и несколько минут кружила под тугими струями, словно запутывая следы.

Горло перехватило от горечи воспоминаний, еще недавно бывших реальностью, но внезапно накатившая волна тепла притупила боль. Лилиан быстро кивнула.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Потому что твоя мать не была обычным человеком. Честно говоря, она и вовсе им не была. Мы называем себя *хеску*.

Лилиан вздрогнула от неожиданности, от абсурдности этих слов, и взгляд ее полыхнул злостью: как этот старик, которого она знает меньше суток, имеет право говорить какие-то глупости о ее матери?! Смеяться над ее памятью?!

Она подалась вперед, цепляясь пальцами за край стола, готовая вскочить и выбежать отсюда, плевать куда, лишь бы подальше от этого сумасшедшего.

– Остановись. – Голос Тиора прозвучал властно, резко, как приказ, и Лилиан неожиданно для себя опустилась обратно на скамью, с которой уже успела привстать.

Пальцы Тиора плотнее обхватили череп ворона, смыкаясь на нем полностью. Свободной рукой он, резко потянувшись через стол, накрыл побелевшие пальцы Лилиан и, глядя ей прямо в глаза, произнес:

– Услышь меня, Марак. Я, Тиор из рода Базаард, признаю этого детеныша своим потомком, здесь, в твердыне моего клана. Услышь меня, детеныш, я говорю тебе: ты хеску по крови и сердцу, по праву рождения. Признай же себя, как я признаю тебя.

Лилиан дернулась, пытаясь высвободиться, – и замерла, оглушенная.

Воздух вокруг нее сгустился, тело словно окаменело, а голова, наоборот, раскалилась. Ее человеческое сознание – сознание, привыкшее все подвергать сомнению и считать *невероятное* сказками, шептало, что это глупости, бред и вранье, да еще и надругательство над памятью ее матери.

Но откуда-то из глубины, из тяжело бьющего в ребра сердца поднималась волна, которая вот-вот должна была затопить ее целиком. Она не знала, что это и как назвать, но казалось, что в сознании ее вдруг что-то переместилось, расширилось и открыло путь чему-то *новому,* но в то же время хорошо знакомому и родному.

Горло вновь сдавило от подступающих слез, сердце заныло от тоски – совсем как вчера вечером, когда Лилиан вышла из машины и впервые вдохнула воздух Марака.

Она всхлипнула – громче, чем ожидала, – и впилась в деда испуганным и одновременно сердитым взглядом, не понимая, что с ней происходит.

Тиор внимательно следил за ней, не отпуская обмякшей руки, и, когда глаза Лилиан затуманились, словно она смотрела сейчас внутрь себя, а рот безвольно приоткрылся, удовлетворенно кивнул.

– Мне жаль, девочка, правда жаль, – прошептал он, не зная, слышит ли она его сейчас, но чувствуя, что должен это сказать. – Жаль, что все вышло *так,* что ты не выросла здесь, не узнала все с самого начала; не росла, зная, кто ты такая. Что сейчас твое сознание проходит эту агонию принятия – я слышал, это чудовищно больно, хоть и не физически, – но ты хеску, девочка, ты одна из нас.

Лилиан задыхалась. Перед ее мысленным взором вспыхивали картины, невыносимо короткие, меньше секунды, она ничего не успевала понять, но каждая из них отдавалась внутри ярким и острым *узнаванием,* чужим и все же своим *ощущением,* памятью о запахе, который она никогда не ощущала – дождя и соли – и не могла знать. Как будто кто-то рассказывал ей чужую жизнь – минуя уши, минуя мозг, рассказывал чувствами и эмоциями, болезненными, как раскаленный штырь, втыкаемый в самое ее сердце, в самую душу, подселяя в голову воспоминания, которые никогда не были ее собственными и все же были, заставляя чувствовать чудовищную потерю и радость обретения одновременно, муки утраты и светлую печаль памяти.

ХЕСКУ

Слово билось внутри, отторгаемое и в то же время такое желанное. Оно вплавлялось в ее сознание словно раскаленный металл, причиняя дикую боль и одновременно становясь частью ее существа.

Как будто что-то в ней открылось и встало *на место*. Как будто она наконец стала кем-то *еще,* но этот кто-то все равно был *ею*.

Когда Лилиан снова смогла дышать, на ресницах ее зависли хрусталики слез, губы были искусаны в кровь, а пальцы с такой силой впились в стол, что на дереве остались следы от ногтей. Она подняла на деда взгляд, полный чистой, неприкрытой ярости.

Тиор Базаард отпустил ее ладонь и улыбнулся, складывая руки на трости.

– Приветствую тебя.

Потом она спросит его, что это было. Что вывернуло ей душу наизнанку и перекроило на новый лад.

– Чары Признания, – пожмет плечами дед. – Ты же не думаешь, что ты первая полукровка, которая не знает, кто она на самом деле?

5

Тиор и Лилиан вышли на улицу и неспешно побрели прочь от гравийной дорожки, по траве, мимо шелестящих листьями деревьев. Громада дома оставалась за их спинами уютной нерушимой стеной.

Лилиан шла все еще немного ошарашенная, взгляд ее блуждал по сторонам, брови периодически хмурились. Тиор наблюдал за ней со смесью любопытства и настороженности: он знал, что чары Признания действовали грубо, сметая все заслоны сознания, и чтобы отойти от их воздействия, требовалось время, порой несколько дней. Он был уверен, что сделал все правильно: назвал имя ее истинной природы в их родовом доме, являясь ближайшим родственником, однако все равно не мог не волноваться за душевное состояние девочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.